КЛИМ В КУЗЬМИНКАХ

«Клим в Кузьминках» — назовем так один из сюрпризов московского театрального сезона. Режиссер Клим, легенда нашего авангарда, чьи эксперименты в мастерской на Среднем Каретном уже несколько лет воодушевляют элитную критику, совершил неожиданный вираж. Поставил в Областном драматическом театре имени А. Н. Островского впечатляющее трехвечернее полотно под названием «Исповедь сына века».

Прихоть ли это самого мастера, прельтившегося после своего крохотного подвала чика обширной сценой театра в Кузьминках, или причины иного характера, — в любом случае мы официально констатируем первый выход режиссера-экспериментатора на государственную сцену стационарного театра.

По существу же это была чисто педагогическая, то есть благородная попытка осуществить опыт собственных экспериментов не с группой постоянных единомышленников, а на совершенно чужой территории, в чужом пространстве и с чужими актерами, доселе с подобными экспериментами не знакомыми. «Учебник Клима» — так назвал он сам это предприятие. Чему учит его «учебник» артиста-новичка, которому известны лишь основы традиционного театра? Новому

качеству актерского существования, выведенного самим Климом за годы кропотливой и «невидимой миру» лабораторной работы.

Итак, три вечера играет трилогия из пьес Альфреда де Мюссе «Подсвечник», «Лю-

бовью не шутят» и «Венецианская ночь». Кто из нас не ведал всех этих сюжетов, тот и останется в неведении; ну, а кто знал, тот вряд ли их узнает. И это постоянная исходная позиция Клима. Его спектакли не предполагают «познания фабулы». Надменный сюжетный туман, всегда окутывающий его постановки, есть результат особой режиссерской цели: погружения в весь мир избираемого автора. В данном случае избран Мюссе, мир его драматургии и прозы, стихов, писем, размышлений о жизни и об искусстве. Задача актеров — растворение в этом мире, «размышление над текстом», с пренебрежением к привычным рамкам отдельной пьесы.

Что же мы видим все три вечера подряд взамен отсутствующих сюжетов, сочных излишними? «Человека наеди-

не со своими иллюзиями», рожденного волей постановщика. Фантазии и грезы режиссера на темы Мюссе. А также бесконечные размышления, заботы, томления любви, олицетворившие для режиссера век французского ро-

немислимы никакие Климовы постановки. Учатся искать гармонию между словом и тишиной и вновь погружать свою речь в молчание, а также устремлять свои взоры в трансцендентные дали и придавать каждому движению обольсти-

Выиграл и Клим. До сих пор мы знали его как «режиссера подвала», где сам пространственный мизер кельи диктовал облик его постановок. Мы знали его в большей степени по этому звуко-временной протяженности, нежели виртуозом пространственных изобретений. И долго могли бы так считать. Огромная сцена в Кузьминках вовремя опрокинула эти заблуждения. Теперь Клим для всех нас — безусловный мастер пространственной игры. Огромные распахнутые композиции из актерских фигур, широкие воздушные мизансцены, раскинутые на диковинных для зрительского глаза расстояниях, причудливый рисунок актерских маршрутов по сцене и вне ее самой, пугающе протяженные дистанции в диалогах, сценорафический шарм — все походило на фантастический и очень искусный балет. Впрочем, и эта громада сцены то и дело оказывалась недостаточной для Клима, вытесняя композицию в пространство зрительного зала, где они и завершали свое формирование.

...Посетивший недавно Москву Петер Штайн был признан единственным, сумевшим «укротить» гигантскую сцену Театра Армии. Клим сегодня укрощает сцену облдрамы в Кузьминках.

Ольга ИГНАТЮК.

УКРОТИТЕЛЬ

мантизма. (Впрочем, все три пьесы Мюссе — о любви.) Конкретные персонажи? О нет, абстрактные персоны, втянутые в единый акт нескончаемого поэтического воспарения. Между всеми пятнадцатью персонами почти ничего не происходит в общепринятом театральном понимании — действие, конфликт, поступок и т. д. И добропорядочным актерам облдрамы приходится играть это ничего, это загадочное отсутствие действия, конфликта и поступка, эту привычную лишь режиссеру метафизику. Они учатся так же, как и знаменитые Климовы единомышленники со Среднего Каретного, молча общаться, молча разыгрывать целые эпизоды, ступать по подмосткам, аки по воздуху, совершая бесконечные томительные круги движений по огромной сцене, без которых

тельно-необъяснимый оттенок. Учатся по-климовски бесконечно петь что-нибудь, например, арии для сопрано, теноров и баритонов, заменяя ими словесные действия. И совершают все это с видимым наслаждением, показывая себя благодарными и понятливыми учениками.

Вряд ли сцена областной драмы, исторически известная в качестве «разъездного театра», знала когда-нибудь столь нежный актерский ансамбль, какой представился нам в этих трех «вечерах романтизма». Авангардист Клим с легкостью доказал, что способен сделать своими единомышленниками в принципе любых актеров, например, вот этих, с которыми в данный момент свела его творческая судьба. Да и из актеров, думаю, никто не проиграл от этой нечаянной встречи.

13.8.94.

Клима (режиссер)